

Б.В. Соколов

Алоизий Могарыч

АЛОИЗИЙ МОГАРЫЧ — персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», журналист, написавший донос на Мастера и поселившийся впоследствии в его подвальчике в одном из арбатских переулков. Прототипом Алоизия послужил друг Булгакова, драматург Сергей Александрович Ермолинский. В 1929 Ермолинский познакомился с Марией Артемьевной Чимишкиан, дружившей в то время с Булгаковым и его второй женой Л. Белозерской. Через некоторое время молодые люди вступили в законный брак и сняли комнату в доме № 9 по Мансуровскому переулку, принадлежавшем семье театрального художника-макетчика Сергея Сергеевича Топленинова, одного из прототипов Мастера. Этот деревянный домик стал прообразом жилища Мастера и Маргариты. А вот как Мастер излагает Ивану Бездомному историю своей дружбы с Алоизием:

«Так вот в то проклятое время (время травли Мастера за роман о Понтии Пилате) открылась калиточка нашего садика, денек еще, помню, был такой приятный, осенний. Ее не было дома. И в калиточку вошел человек, он прошел в дом по какому-то делу к моему застройщику, потом сошел в садик и как-то очень быстро свел со мной знакомство. Отрекомендовался он мне журналистом. Понравился он мне до того, вообразите, что я его до сих пор иногда вспоминаю и скучаю о нем. Дальше — больше, он стал заходить ко мне. Я узнал, что он холост, что живет рядом со мной примерно в такой же квартирке, что ему тесно там, и прочее. К себе как-то не звал. Жене моей он не понравился до чрезвычайности. Но я заступился за него. Она сказала:

— Делай, как хочешь, но говорю тебе, что этот человек производит на меня впечатление отталкивающее.

Я рассмеялся. Да, но чем, собственно говоря, он меня привлек? Дело в том, что вообще человек без сюрприза внутри, в своем ящике, неинтересен. Такой сюрприз в своем ящике Алоизий (да, я забыл сказать, что моего нового знакомого звали Алоизий Могарыч) — имел. Именно, нигде до того я не встречал и уверен, что нигде не встречу человека такого ума, каким обладал Алоизий. Если я не понимал смысла какой-нибудь заметки в газете, Алоизий объяснял мне ее буквально в одну минуту, причем видно было, что объяснение это ему не стоило ровно ничего. То же самое с жизненными явлениями и вопросами. Но этого было мало. Покорил меня Алоизий своею страстью к литературе. Он не успокоился до тех пор, пока не упросил меня прочесть ему мой роман весь от корки до корки, причем о романе он отозвался очень лестно, но с потрясающей точностью, как бы присутствуя при этом, рассказал все замечания редактора, касающиеся этого романа. Он попадал из ста раз сто раз. Кроме того, он совершенно точно объяснил мне, и я догадывался, что это безошибочно, почему мой роман не мог быть напечатан. Он прямо говорил: глава такая-то идти не может...»

Интересно, что Ермолинский в момент знакомства с Булгаковым действительно был еще холост. По воспоминаниям М. Чимишкиан, именно автор «Мастера и Маргариты» ее уговаривал: «Выходи, выходи за Ермолинского, он славный парень». В отличие от самого Булгакова, его вторая жена Л. Белозерская к Ермолинскому относилась без симпатии, что не скрывала ни в опубликованных мемуарах, ни в беседах со мной. Она прямо писала:

«Перехожу к одной из самых неприятных страниц моих воспоминаний — к личности Сергея Ермолинского, о котором по его выступлению в печати (я имею в виду журнал “Театр”, № 9, 1966 г. О Михаиле Булгакове) может получиться превратное представление.

Летом 1929 он познакомился с нашей Марикой (М. Чимишкиан) и влюбился в нее. Как-то вечером он приехал за ней. Она собрала свой незамысловатый багаж. Мне было грустно. Маруся плакала, стоя у окна.

Ермолинский прожил с Марикой 27 лет, что не помешало ему в этих же воспоминаниях походя упомянуть о ней, как об “очень милой девушке из Тбилиси”, не удостоив (это после двадцати-то семи лет совместной жизни!) даже назвать ее своей бывшей женой.

Жаль, что для мемуаристов не существует специальных тестов, определяющих правдивость и искренность автора. Плохо пришлось бы Ермолинскому перед детектором лжи. Я оставляю в стороне все его экскурсии в психологию: о многом он даже и не подозревает, хотя и претендует на роль конфиденанта Булгакова, который, кстати, никогда особого расположения к Ермолинскому не питал, а дружил с Марикой (это утверждение Л. Белозерской опровергается приведенным выше свидетельством М. Чимишкиан)... Прочтя этот “опус” в журнале “Театр”, к сожалению, бойко написанный, много раз поражаешься беспринципностью

автора. В мое намерение не входит опровергать по пунктам Ермолинского, все его инсинуации и подтасовки, но кое-что сказать все же нужно. Хотя воспоминания его забыты цитатами (Мандельштам, дважды — Герцен, М. Пришвин, Хемингуэй, Заболоцкий, П. Вяземский, Гоголь, Пушкин, Грибоедов), я все-таки добавлю еще одну цитату из «Горя от ума»: «Здесь все есть, коли нет обмана». Есть обман! Да еще какой. Начать с авторской установки. Первое место занимает сам Ермолинский, второе — так и быть — отведено умирающему Булгакову, а третье — куда ни шло — Фадееву, фигуре на литературном горизонте значительной».

По мнению Белозерской, Ермолинский «по своей двуличной манере» «забывает то, что ему невыгодно помнить».

Как и Алоизий с Мастером, Ермолинский познакомился с Булгаковым в 1929, когда развернутая против писателя кампания в прессе достигла апогея и все его пьесы оказались сняты. Воспоминания Ермолинского, обильно оснащенные цитатами, доказывают, что их автор, как и Алоизий Могарыч, был весьма сведущ в литературе. Мемуарист, подобно Алоизию и вопреки утверждениям Белозерской, по крайней мере, во второй половине 1930-х, действительно стал булгаковским «конфидентом». Это доказывает, например, дневниковая запись третьей жены писателя Е.С. Булгаковой от 5 декабря 1938:

«Вчера днем М.А. заходил к Сергею Ермолинскому поиграть в шахматы, а кроме того, Сергей Ермолинский, благодаря тому, что вертится в киношном мире, много слышит и знает из всяких разговоров, слухов, сплетен, новостей. Он — как посредник между М.А. и внешним миром».

Судя по интонации этой и других записей, Е.С. Булгакова относилась к Ермолинскому довольно сдержанно, но, конечно, без той ненависти, как Белозерская. В «Мастере и Маргарите» в отношении к Алоизию главной героини автор передал в основном отношение к Ермолинскому Белозерской, которая была женой Булгакова в 1929, в году, когда разворачивается действие московских сцен романа и когда произошло на самом деле знакомство Булгакова с Ермолинским. Маргарита, узнав о предательстве Алоизия, едва не выцарапала ему глаза.

Не исключено, что именно Ермолинского имел в виду автор «Мастера и Маргариты», когда сообщал своему другу философу и литературоведу П. Попову 24 марта 1937:

«Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: “Ничего, после вашей смерти все будет напечатано!” Я им очень благодарен, конечно!»

(отметим, что согласно дневниковой записи Е.С. Булгаковой, Ермолинские посетили их накануне, 22 марта). Точно так же о невозможности прижизненной публикации романа говорил Мастеру Алоизий Могарыч, 16 мая 1939 Булгаков надписал жене свою фотографию: «Вот как может выглядеть человек, возившийся несколько лет с Алоизием Могарычем, Никанором Ивановичем и прочими». Здесь писатель указывал не только на усталость от десятилетней работы над романом, но и на длительное общение с перевертышами типа Алоизия Могарыча, образ которого в тот момент еще носил общий и собирательный характер, без конкретных деталей. История знакомства Мастера с Алоизием была написана уже во время смертельной болезни автора — зимой 1939–1940. 5 марта 1940 Е.С. Булгакова написала в дневнике:

«Приход Фадеева. Разговор продолжался сколько мог. Мне: “Он мне друг”. Сергею Ермолинскому: “Предал он меня или не предал? Нет, не предал? Нет, не предал!”».

Булгаковские слова, несомненно, относились к Ермолинскому, который действительно был его другом, а не к Фадееву, первому секретарю Союза советских писателей, познакомившемуся с Булгаковым только 11 ноября 1939, когда он по должности навещил заболевшего члена Союза. Другом Булгакова Фадеев не был и предать его при всем желании не мог. Подозревавший Ермолинского в предательстве, автор «Мастера и Маргариты», как видно из цитированного выше разговора, за пять дней до смерти подозрения отверг. Вероятно, в связи с этим рассказ Мастера о знакомстве с Алоизием был перечеркнут Булгаковым, однако нового варианта он написать уже не успел (не исключено также,

что текст был перечеркнут Е.С. Булгаковой). Возможно, что поводом для подозрений послужил отзыв Ермолинского о пьесе «Батум» уже после ее запрещения, зафиксированный Е.С. Булгаковой 18 августа 1939:

«Сегодня днем Сергей Ермолинский, почти что с поезда, только что приехал из Одессы и узнал [о запрете “Батума”]. Попросил Мишу прочитать пьесу. После окончания — крепко поцеловал Мишу. Считает пьесу замечательной. Говорит, что образ героя сделан так, что если он уходит со сцены, ждешь — не дождешься, чтобы он скорей появился опять. Вообще говорил много и восхищался, как профессионал, понимающий все трудности задачи и виртуозность их выполнения».

По всей видимости, Булгаков не обманывал себя насчет художественных достоинств пьесы о Сталине и почувствовал лицемерие, хотя и вызванное благой целью — утешить потрясенного катастрофой с «Батумом» драматурга, у которого уже начиналась грозная болезнь, сведшая его в могилу. Вероятно, автор «Мастера и Маргариты» рассудил, что если Ермолинский лукавил сейчас, то мог лукавить и раньше. Отсюда в возбужденном сознании больного Булгакова родилось подозрение, что друг мог доносить на него в НКВД, и это подозрение материализовалось в образе Алоизия Могарыча. Поведение Ермолинского в последние недели булгаковской жизни, много часов самоотверженно проведенного у постели больного, очевидно, рассеяло подозрения, но написать новый текст у Булгакова уже не было сил.

Скорее всего Е.С. Булгакова знала, кто был прототипом Алоизия Могарыча. 17 ноября 1967 она записала в дневнике свой разговор с Ермолинским по поводу его воспоминаний в журнале «Театр» (тогда Елена Сергеевна собирала книгу воспоминаний о Булгакове):

« — Если ты хочешь, чтобы я приняла твою статью целиком, переведи прямую речь Миши в косвенную. Ты не передаешь его интонации, его манеры, его слова. Я слышу, как говорит Ермолинский, но не Булгаков. И, говоря откровенно, мне определенно не нравятся две сцены, одна — это разговор якобы ты журналист, а вторая — игра в палешан. Причем я не могу себе представить, где же я была в это время, что я не помню этой игры!».

«Игра в палешан» — это рассказ в воспоминаниях Ермолинского о застольной импровизации на тему спектакля Камерного театра «Богатыри» по пьесе Демьяна Бедного, на оформление которого пригласили художников из Палеха. Булгаков и его товарищи «в лицах» разыграли, как палешане возвращаются домой после провала пьесы. Е.С. Булгакова в записи от 2 ноября 1936 охарактеризовала «Богатырей» как «стыдный спектакль», а 14 ноября с удовлетворением констатировала: «В газете — постановление Комитета по делам искусств: “Богатыри” снимаются. “...За глумление над крещением Руси...”», в частности» и привела по этому поводу реплику Булгакова: «Таиров лежит с капустным листом на голове, уверяю тебя». Вероятно, ей не хотелось еще раз вспоминать об этом спектакле, тем более что в ходе кампании, начавшейся в прессе по поводу «Богатырей», вновь стали поносить булгаковский «Багровый остров». Да и содержащаяся в рассказе Ермолинского насмешка (от лица Булгакова) над официальной «народностью» могла показаться опасной вдове писателя. Что же касается эпизода с Ермолинским-журналистом, то его стоит привести полностью:

«Я бывал [во время последней болезни] у него каждый день. Пытаясь восстановить факты его жизни, предложил игру в навязчивого журналиста, приставшего с вопросами к знаменитому писателю.

— Ты хитришь, — сказал он, но игру принял.

В дальнейшем она развлекала его, и я в шуточной форме записал несколько таких бесед, состоявших из вопросов и ответов. Несколько листков случайно сохранилось. Вот эта запись.

Он. Мне непонятно все-таки, уважаемый товарищ, зачем вы ко мне пристааете?

Я. Мировому человечеству интересна каждая деталь из вашей жизни.

Он. Я согласен, это так. Но я обязан все ж по благородству своего характера предупредить вас... — тут он прищурился и добавил юмористически: — Я, дорогой мой, «не наш» человек.

Я. Быть может, как раз поэтому вы и представляете особый интерес?

Он (уже с непритворным негодованием). Это отвратительно, что вы говорите, голубчик! Я наш человек, а не наш — это я сам выдумал, сам подстроил.

Я. Простите, не понял.

Он. Вчера вы допрашивали меня о начале моего литературного пути.

Я. Совершенно верно. Я весь внимание.

Он. Именно тогда я и подложил себе первую свинью.

Я. Каким образом вам удалось это сделать?

Он. Молодость! Молодость! Я заявился со своим первым произведением в одну из весьма почтенных редакций, прилепившись не по моде. Я раздобыл пиджачную пару, что само по себе было тогда дико, завязал бантиком игривый галстук и, усевшись у редакторского стола, подкинул монокль и ловко поймал его глазом. У меня даже где-то валяется карточка — я снят на ней с моноклем в глазу, а волосы блестяще зачесаны назад [речь идет об известной фотографии 1926].

Редактор смотрел на меня потрясенно. Но я не остановился на этом. Из жилетного кармана я извлек дедовскую “луковицу”, нажал кнопку, и мой фамильный брегет проиграл нечто похожее на “Коль славен наш господь в Сионе”. “Ну-с?” – вопросительно сказал я, взглянув на редактора, перед которым внутренне трепетал, почти обожествлял его. “Ну-с, – хмуро ответил мне редактор. – Возьмите вашу рукопись и займитесь всем, чем угодно, только не литературой, молодой человек”. Сказавши это, он встал во весь свой могучий рост, давая понять, что аудиенция окончена. Я вышел и, уходя, услышал явственно, как он сказал своему вертлявому секретарю: “Не наш человек”. Без сомнения, это относилось ко мне.

Я. И вы считаете, что этот случай сыграл роковую роль во всех ваших дальнейших взаимоотношениях с редакциями.

Он. Взгляните, голубчик, на этот случай шире. Дело в моем характере. Луковица и монокль были всего лишь плохо продуманным физическим приспособлением, чтобы побороть застенчивость и найти способ выразить свою независимость.

Я. Последуем дальше. Что привело вас в театр?

Он. Жажда денег и славы. Затаенная мечта выйти на аплодисменты публики владела мною с детства. Я во сне видел свою длинную шатающуюся фигуру с растрепанными волосами, которая стоит на сцене, а благодарный режиссер кидается ко мне на шею и обцеловывает меня буквально под рев восторженного зрительного зала.

Я. Позвольте, но при возобновлении “Турбиных” занавес раздвигался шестнадцать раз, все время кричали “автора!”, а вы даже носа не высунули.

Он. Французы говорят, что нам дарят штаны, когда у нас уже нет задницы, простите за грубое выражение. (И подозрительно.) А вы не из французской ли газеты?

Я. Нет.

Он (вкрадчиво). А может быть, из какой-нибудь другой иностранной, а?

Я. Нет, нет... Я из русской.

Он. Не из рижской ли, белоэмигрантской? (И он угрожающе поднял кулак.)

Я. Избави бог! (Я отмахнулся в ужасе.)

Я из «Вечерки»! Из прекрасной, неповторимой «Вечерки» нашей!

Он. Ура! Тюпа! Люся! Водку на стол! Пускай этот господин напьется в свое полное удовольствие! Мне отнюдь не грозит опасность, что он напечатает обо мне хоть одну строчку!»

Очевидно, что Булгаков впоследствии шуточные вопросы Ермолинского осмыслил вполне серьезно и заподозрил друга в попытке выведать его подноготную для доклада в «дорогие органы». А в пристрастной подаче весьма грозно могло прозвучать и признание писателя, что он — «не наш человек», и слова по поводу нежелания выходить к зрителям в связи с возобновлением «Дней Турбиных», о штанах, которые появились тогда, когда уже нет задницы. Е.С. Булгакова прекрасно осознавала, что именно в связи с этим разговором автор «Мастера и Маргариты» сделал Алоизия Могарыча журналистом. Ермолинский же не знал, что в романе есть столь разоблачительная для него история знакомства Мастера с Алоизием, поскольку она не была включена ни в журнальную публикацию «Мастера и Маргариты» 1966–1967, ни в машинопись романа, подготовленную в 1960-е вдовой писателя. Эпизод с Алоизием Могарычем вошел только в издание романа 1973, осуществленное при участии Е.С. Булгаковой, которой, однако, так и не удалось увидеть книгу напечатанной.

Как кажется, опасения Булгакова насчет Ермолинского были безосновательными. В декабре 1940 последний был арестован, и в ходе допросов его связи с НКВД никак не проявились. Кстати, не исключено, что в шуточном разговоре с Ермолинским Булгаков рассказывал о злключениях своей повести «Роковые яйца». На допросе в НКВД 14 декабря 1940 Сергей Александрович назвал ее «наиболее реакционным произведением Булгакова» из всех ему известных, поскольку там проявилось неверие «в созидательные

силы революции». По утверждению Ермолинского, «сам Булгаков считал, что “Р.Я.” сыграли резко отрицательную роль в его литературной судьбе: он стал рассматриваться как реакционный писатель». Дарственная надпись с экземпляра повести, сохранившаяся в архивах НКВД, подтверждала показания:

«Дорогому другу Сереже Ермолинскому. Сохрани обо мне память! Вот эти несчастные “Роковые яйца”. Твой искренний М. Булгаков. Москва. 4.IV. 1935 г.».

Повесть насторожила цензуру и осложнила публикацию булгаковских произведений (больше крупных вещей писателя при его жизни в СССР напечатано не было).

Имя Алоизий автор «Мастера и Маргариты», возможно, заимствовал из романа А. Амфитеатрова «Жар-цвет» (1910), где так назван эпизодический персонаж, старый закрытын (кастелян) польского графа Валерия Гичовского. Это может указывать и на реальный прототип: Ермолинский был родом из Вильно и носил фамилию польского происхождения.